

Индивидуальная доходная мобильность в современном российском обществе: масштабы и специфика

В фокусе данного доклада находится ряд сюжетов, связанных с индивидуальной доходной мобильностью россиян в ее относительном (позиционном) измерении. Следуя логике исследования относительной мобильности, используемой, в том числе, в недавно опубликованном докладе по социальной мобильности ОЭСР (ОЕСД, 2018), мы рассматриваем масштабы и направления мобильности российского населения между доходными квинтилями на четырехлетнем и девятилетнем интервалах. Кроме того, мы оцениваем масштаб и направления доходной мобильности не только через сравнение принадлежности к доходному квинтилю на начальной и конечной точках наблюдения (2009-2017 и 2014-2017 гг.), но и с учетом изменений, происходящих внутри этого временного интервала. Сравнение исходной и конечной принадлежности к доходным квинтилям позволяет соотнести ситуацию в России с паттернами индивидуальной доходной мобильности в других странах; дополнительный учет изменений, происходивших внутри временного интервала, дает возможность построить более детальную классификацию мобильности, учитывающую также разнонаправленные переходы. Отдельно рассматривается численность и состав групп, устойчиво занимающих самые нижние и самые верхние позиции в иерархии доходов, что позволяет выявить факторы, которые приводят к различной вероятности россиян оказаться в их составе. Эмпирической базой исследования выступают данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ НИУ ВШЭ) за 2009-2017 гг.¹

Если предыдущие исследования показали, что по модели доходной стратификации Россия оказывается ближе к развитым, чем развивающимся странам, характеризуясь высокой удельной долей групп с медианными и средними доходами (Тихонова et al., 2018), то по моделям доходной мобильности она оказывается ближе к развивающимся странам, характеризуясь относительно высокой подвижностью доходов и меньшей степенью устойчивого неравенства («липкого пола» и «липкого потолка» - тех, кто устойчиво находится в самом нижнем или самом верхнем доходном квинтиле) в среднесрочном периоде. Так, из тех россиян в возрасте 18-65 лет, кто в 2014 г. принадлежал к первому или пятому квинтилю, порядка 55% принадлежали к этим доходным группам и в 2017 г., в то время как по странам ОЭСР в среднем эти доли составляют почти 60% для нижнего квинтиля и 70% для верхнего. На периоде в 9 лет масштабы «липкого пола» в России становятся сопоставимы со странами ОЭСР (около 40%), но масштабы «липкого потолка» остаются ниже.

¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом "Высшая школа экономики" и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>).

Для более детального анализа структуры мобильности в расчет были приняты те изменения принадлежности к доходным квинтилям, которые происходили между начальной и конечной точками наблюдения. Среди всего населения, включая детей, а также взрослых в нетрудоспособных возрастах, на рассматриваемых временных интервалах большинство россиян характеризовалось именно разнонаправленной мобильностью, и этот факт дополнительно говорит о том, что для анализа доходной мобильности в текущих реалиях современного российского общества может лучше подходить используемая нами логика устойчивости положения (доминирующей принадлежности к тому или иному доходному квинтилю на протяжении определенного периода), чем сравнение принадлежности к доходным квинтилям на «старте» и «финише» определенного отрезка времени, результаты которого будут сильно зависеть от выбора начальной и конечной точек наблюдения.

Говоря же об устойчивом неравенстве по доходам, нужно отметить высокую роль аскриптивных социально-демографических факторов, а также факторов, связанных с составом семьи (особенно – наличием детей) в их сохранении - невозможности «выбраться» из нижней части доходного распределения или «скатиться вниз» из верхней. Однако на формирование «липких» зон влияют и другие типы неравенств. В частности – устойчивое материальное неблагополучие формируется, по большей части, в силу занятия на рынке труда менее оплачиваемых и надежных позиций, а также наличия в составе семьи иждивенцев, которыми, в первую очередь, выступают дети, а во вторую – сами трудоспособные, вынужденные довольно регулярно менять место работы. Устойчивое материальное благополучие, наоборот, характерно для лиц умственного квалифицированного труда (чьи позиции стабильны, позволяют иметь постоянный высокий заработок и работать после выхода на пенсию) и в значительно меньшей степени обремененных необходимостью обеспечивать иных членов семьи (в силу, во-первых, большей устойчивости трудовых позиций и потому меньшей распространенности иждивения в трудоспособных возрастах, во-вторых, несклонности к рождению троих и большего количества детей и, в-третьих, по причине обретения детьми финансовой независимости). Однако нужно отметить, что использование шкал эквивалентности несколько меняет портреты групп, находящихся в устойчиво неблагополучном положении, поскольку искусственно повышает подушевые доходы домохозяйств больших размеров, а риски устойчивого неблагополучия становятся заметно выше для домохозяйств- «одинок».

Все эти особенности конфигурации мобильности по доходам ставят специфические вызовы для государства, связанные с возможностью обеспечения устойчивого роста доходов и повышения благосостояния населения – от необходимости снижения роли аскриптивных неравенств (в частности, связанных с социально-демографическими факторами – например, неблагополучия детей, рожденных в многодетных семьях и проживающих вне городов) до обеспечения институциональной среды, позволяющей стабилизировать доходы «среднего

россиянина» (меры, повышающие социальную защищенность на рынке труда, компенсирующие временные, ситуационные провалы в доходах и пр.) или снизить те специфические неравенства, которые препятствуют повышению благосостояния в отдельных группах и подгруппах (например, дифференцирующие неравенства в уровне здоровья для пожилого населения).

Список использованной литературы

- OECD. (2018). *A Broken Social Elevator? How to Promote Social Mobility*. Retrieved from <https://www.oecd-ilibrary.org/content/publication/9789264301085-en>
- Тихонова, Н. Е., Лежнина, Ю. П., Мареева, С. В., Аникин, В. А., Каравай, А. В., & Слободенюк, Е. Д. (2018). *Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения* (Н. Е. Тихонова, Ed.). Издательство Нестор-История.